

Оригинальная статья / Original article

Финны-ингерманландцы и кросс-культурность пригородной зоны Санкт-Петербурга

В. Л. Мартынов¹, О. А. Балабейкина², Л. А. Королёв², И. Е. Сазонова¹¹ *Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*² *Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*✉ lwowich@herzen.spb.ru

Аннотация

Введение. Кросс-культурность была и остается характерной чертой тех территорий, где взаимодействуют между собой представители различных этнокультурных групп. На Северо-Западе России наибольшего развития данный процесс достиг в Санкт-Петербурге и его пригородах. Но если кросс-культурность города так или иначе рассматривалась исследователями, то пересечение культур в пригородной зоне изучались крайне редко. Цель исследования – выявить и охарактеризовать проявление кросс-культурности в пригородной зоне Санкт-Петербурга на примере ареалов проживания финнов-ингерманландцев.

Материалы и методы. Объектом исследования выступают территории компактного расселения финнов-ингерманландцев в пределах пригородной зоны Санкт-Петербурга, где и был сосредоточен почти весь данный субэтнос. Для оценки кросс-культурности выбранного региона была разработана и применена авторская система индикаторных показателей, которые послужили проведению критериального анализа. В качестве материалов задействованы данные переписей населения, опубликованные в открытом доступе сведения официальных интернет-сайтов различных организаций (религиозных, музейных и т. д.), а также сведения, собранные в полевых условиях на основе метода включенного наблюдения.

Результаты исследования и их обсуждение. Авторами была апробирована методика критериальной оценки кросс-культурности региона на примере ареала проживания финнов-ингерманландцев в Санкт-Петербурге и некоторых районах Ленинградской области. Использованы такие индикаторы, как количественные и качественные составляющие топонимической системы, число объектов лютеранской культурной инфраструктуры, этнический состав населения в ретроспективе и современности, наличие на территории музейных экспозиций и туристских маршрутов, тематически связанных с материальной культурой финнов-ингерманландцев.

Заключение. Сделанные авторами выводы вносят вклад в развитие исследований этно-конфессиональной направленности, тематически связанных с финнами, проживавшими на территориях, прилегающих к Санкт-Петербургу. Представленная модель оценки кросс-культурности региона универсальна и может быть применена к другим объектам. Материалы статьи могут быть полезны при разработке тематических туристских маршрутов, охватывающих пригородные зоны Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: кросс-культурность, Санкт-Петербург, пригородная зона, финны-ингерманландцы, система расселения, топонимика, Евангелическо-лютеранская церковь

Финансирование: исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда (проект № 23-27-10001 «Петербургские пригороды: природа и люди»).

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Финны-ингерманландцы и кросс-культурность пригородной зоны Санкт-Петербурга / В. Л. Мартынов [и др.] // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16, № 4. С. 444–458. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.444-458>

© Мартынов В. Л., Балабейкина О. А., Королёв Л. А., Сазонова И. Е., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Finns-Ingermanlanders and Cross-Cultural Dynamics of the Suburban Area of Saint Petersburg

V. L. Martynov^{a,✉}, O. A. Balabeykina^b, L. A. Korolyov^b, I. E. Sazonova^a

^a Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation

^b Saint-Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation

✉ lwowich@ Herzen.spb.ru

Abstract

Introduction. Cross-culturality has always been and remains a defining feature of territories where representatives of various ethno-cultural groups interact. In Northwestern Russia, this process has reached its greatest development in Saint Petersburg and its suburbs. While the cross-culturality of the city has been studied to some extent by researchers, the intersection of cultures in the suburban area has been explored far less frequently. The aim of this study is to identify and characterize manifestations of cross-culturality in the suburban areas of Saint Petersburg, using the residential zones of the Finns-Ingermanlanders as a case study.

Materials and Methods. The research object is the areas of compact settlement of the Finns-Ingermanlanders within the suburban zone of Saint Petersburg, where almost the entire subethnic group was concentrated. To assess the cross-cultural characteristics of the selected region, an original system of indicative indicators was developed and applied, serving as the basis for a criterion analysis. The materials utilized include census data, publicly available information from official websites of various organizations (religious, museum-related, etc.), as well as data collected in the field through the participant observation method.

Results and Discussion. The authors tested a methodology for the criterial assessment of a region's cross-cultural characteristics, using the example of the area inhabited by the Finns-Ingermanlanders population in Saint Petersburg and certain districts of the Leningrad Region. Indicators such as the quantitative and qualitative components of the toponymic system, the number of Lutheran religious infrastructure objects, the ethnic composition of the population in historical and contemporary contexts, and the presence of museum exhibits and tourist routes thematically linked to the material culture of the Finnish-Ingrians were utilized.

Conclusion. The authors' conclusions contribute to the development of research on ethno-confessional topics related to Finns who lived in areas adjacent to St. Petersburg. The proposed model for assessing the cross-cultural nature of the region is universal and can be applied to other locations. The materials of the article may be useful in the development of thematic tourist routes covering the suburban areas of St. Petersburg.

Keywords: cross-culturalism, St. Petersburg, suburban zone, Finns-Ingermanlanders, settlement system, toponymy, Evangelical Lutheran Church

Funding: The research was carried out at the expense of a joint grant from the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation (project No. 23-27-10001 "St. Petersburg Suburbs: Nature and people").

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Martynov V.L., Balabeykina O. A., Korolyov L. A., Sazonova I.E. Finns-Ingermanlanders and Cross-Cultural Dynamics of the Suburban Area of Saint Petersburg. *Finno-Ugric World*. 2024;16(4):444–458. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.016.2024.04.444-458>

Введение

Понятие «кросс-культурность» вошло в отечественный научный оборот через заимствование англоязычного элемента «cross», в дословном переводе означающего «крест, перекрестье, скрещение, пересечение; пересекать, перечеркивать». В первую очередь оно получило закрепление в исследованиях по философии и культурологии [1], затем было экстраполировано на другие сферы знаний¹ [3]. Результатом привлечения кросс-культурности в качестве смыслообразующего термина стали и попытки рассмотрения некоторых аспектов функционирования городских территорий через призму влияния разных культур [4]. Однако применительно к регионам (за редким исключением [5]) таких исследований не проводилось.

Между тем актуальность их для России высока, особенно для территорий Северо-Запада страны, характеризующихся сложным этно-религиозным составом и многоэтапным формированием границ по причине часто менявшейся в истории государственно-территориальной принадлежности.

Устоявшееся общепринятое определение кросс-культурности на данный момент отсутствует, хотя авторы касаются методологических принципов исследований в данной области, что открывает возможности для авторской трактовки². Применительно к комплексным исследованиям, где объектом выступают территориальные образования, кросс-культурными регионами предлагается именовать те из них, ключевые характеристики которых сформировались под влиянием разных этнических и конфессиональных культур, в результате их взаимодействия.

Одним из наиболее интересных с точки зрения кросс-культурности регионов России является Санкт-Петербург и его ближайшие окрестности. Кросс-культурность Санкт-Петербурга в дореволюционное время определялась тем, что значительную часть населения города составляли немцы и представители других западноевропейских народов. Воздействие их на развитие города часто выступало предметом изучения исследователей. В окрестностях (или пригородной зоне) Санкт-Петербурга ситуация была совершенно иной: большинство населения здесь до 40-х гг. XX в. составляли финны-ингерманландцы – потомки переселившихся сюда из Финляндии в XVII в. крестьян.

На протяжении сотен лет они были преимущественно сельскими жителями. Их культура, как и культура проживавшего в пригородах Санкт-Петербурга русского населения, была крестьянской, ушедшей вместе со своими носителями. Здесь сформировалась система «межэтнического» разделения труда: финны-ингерманландцы занимались главным образом сельским хозяйством, а русское население Ингерманландии – отхожими промыслами, ремеслом, торговлей³.

Вследствие выселения финно-ингерманландцев вглубь территории СССР в 30–40-е гг. XX в. и трансформации системы расселения «кросс-культурность» пригородной зоны значительно снизилась. В процессе урбанизации XX в. часть пригородной зоны дореволюционного Санкт-Петербурга вошла в его состав, а в той части, которая осталась в пределах Ленинградской области, на месте финно-ингерманландских и русских сел и деревень выросли города, коттеджные поселки и дачные поселения.

О положении пригородной зоны Санкт-Петербурга «на перекрестке» русской и финно-ингерманландской культур свидетельствуют топонимика, культовые сооружения и даже кладбища. Обширный материал по кросс-культурности этих территорий собран в краеведческих музеях, однако предметом изучения она становилась крайне редко.

Цель исследования – выявление основных тенденций и особенностей формирования и развития кросс-культурности финно-ингерманландского населения современной пригородной зоны Санкт-Петербурга в ретроспективе и современности.

Обзор литературы

В научной литературе существуют труды, содержащие ценные фактические сведения, необходимые для раскрытия темы исследования. Разными авторами актуализируются вопросы национальной безопасности в пределах территорий с полиэтничным составом [6; 7], приводятся и трактуются данные об этническом составе населения России по материалам переписи населения [8], предлагается и апробируется расчетный инструмент для определения этнической контактности [9; 10], подчеркивается влияние национального состава региона на его экономику [11; 12].

Некоторое количество работ посвящено непосредственно Карельскому перешейку и Ингерманландии как территориям, в пределах которых сохранились материальные свидетельства о принадлежности ее коренным народам в прошлом⁴ [13; 14] и отражении этого факта в настоящем [16; 17].

² Тоноян М. К. Литвокультурология. межкультурная коммуникация и кросс-культурная лингвистика. С. 286–287.

³ Трипольская А. А. Русские Ингерманландии: история и культура (XVIII – начало XX в.) : дис. ... канд. ист. наук. СПб. : СПбГУ, 2005. 227 с.

⁴ Российская Фенноскандия. Актуальные проблемы регионального развития / О. В. Артемьева, О. А. Балабейкина, А. Г. Бездудная [и др.]. СПб. : СПб ГЭУ, 2023. 173 с.

На данный момент в науке представлен широкий эмпирический опыт, отражающий особенности рассматриваемых территорий как особых этнокультурных зон, но при этом отсутствуют работы, связанные напрямую с оценкой кросс-культурности регионов.

Материалы и методы

Ключевым методом исследования послужил критериальный анализ, для реализации которого специально была разработана система индикаторов, призванных оценить кросс-культурность региона. Исходная информация с целью последующей обработки извлекалась из опубликованных результатов переписей населения, официальных интернет-сайтов музеев, религиозных организаций, туристических фирм и т. д. Некоторые сведения были собраны в полевых условиях в ходе включенного наблюдения. В результате получены неопубликованные ранее фотодокументы, представляющие собой отдельный источник.

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде чем перейти к анализу и оценке кросскультурности на современном этапе, следует определить, насколько значительным было взаимодействие культур на исследуемых территориях. Самый простой и в то же время эффективный способ выявления масштабов такого взаимодействия – анализ трансформации этнического состава населения

Перепись населения 1926 г. выделяет финнов-ингерманландцев под необычным названием «финны ленинградские». Их численность в Ленинградской губернии (итоги переписи подводились по существовавшим до 1927 г. административным единицам) определяется в 115 тыс. чел., из которых в сельской местности проживало 108 тыс. чел.⁵ Перепись 1939 г. не разделяет финнов по субэтническим группам, их численность в Ленинградской области определяется в 107 тыс. чел.⁶ Перепись 1959 г. фиксирует 20 тыс. финнов, проживающих в Ленинградской области, без разбивки их по субэтносам⁷. Примерно таким же количество представителей рассматриваемого этноса определяется и переписью 1970 г. К 1979 г. численность финнов в Ленинградской области составляла уже 16 тыс. чел.⁸ Последняя Всесоюзная перепись населения (1989 г.) определила численность финнов в Ленинградской области в 11 тыс. чел.⁹

Всероссийская перепись населения 2002 г. учитывала отдельно финнов и финнов-ингерманландцев. Финнов в Ленинградской области на 2002 г. проживало около 8 тыс. чел., финнов-ингерманландцев – 35 чел.¹⁰ По данным переписи 2010 г., в Ленинградской области проживало примерно 4,4 тыс. финнов, из них 49 чел. – финнов-ингерманландцев¹¹. Согласно итогам переписи 2020 г., общая численность финнов в Ленинградской области составила примерно 1,4 тыс. чел., из которых 130 были финнами-ингерманландцами; 53 финна-ингерманландца относились к городскому населению, 77 – к сельскому¹². Интересно, что при сокращении общей численности финнов

⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М. : Стат. изд-во ЦСУ СССР, 1928–1929. Т. 9.

⁶ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=37 (дата обращения: 07.11.2023).

⁷ Всесоюзная перепись населения 1959 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=41 (дата обращения: 07.11.2023).

⁸ Всесоюзная перепись населения 1979 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=8 (дата обращения: 07.11.2023).

⁹ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=9 (дата обращения: 07.11.2023).

¹⁰ Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=25 (дата обращения: 07.11.2023).

¹¹ Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etcn_10.php?reg=26 (дата обращения: 07.11.2023).

¹² Национальный состав населения Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 07.11.2023).

число финнов-ингерманландцев росло, но абсолютные показатели настолько малы, что учет их изменений не имеет смысла. Можно утверждать, что финны-ингерманландцы (субэтнос, численность которого около ста лет назад существенно превышала 100 тыс. чел.) фактически исчезли.

Естественно, что в настоящее время кросс-культурный процесс прошлого трудно проследить, но столетие назад это взаимодействие шло очень активно, особенно там, где концентрировалось подавляющее большинство финно-ингерманландского населения – в пригородной зоне нынешнего Санкт-Петербурга. Как утверждает Ю. А. Ступин, «наиболее крупные очаги расселения финнов располагались в центральной части Ленинградской области, и первый из них был локализован на Карельском перешейке. В административном отношении это были Куйвозовский, Парголовский и Ленинский районы. Финские поселения занимали большую часть его территории, доходя на юге до Колтушской возвышенности. <...> Всего в трех районах Карельского перешейка сосредоточивалась почти треть (31 %) финского населения ЛО. Здесь они составляли 44 % населения, а в Куйвозовском районе – почти 80 %...» [18, с. 84–85]. Куйвозовский район позднее был переименован в Токсовский, его территория была включена в состав Парголовского района; в настоящее время часть бывшего Парголовского района входит в состав Санкт-Петербурга, другая часть – в состав непосредственно граничащего с городом Всеволожского района Ленинградской области, в конце 20-х гг. именовавшегося Ленинским.

Второй крупный ареал финно-ингерманландского расселения, где, согласно сведениям Ю. А. Ступина [18], проживало примерно 40 % финно-ингерманландцев, располагался к югу от Финского залива между Петергофом, Красным Селом и Гатчиной. Следует отметить, что на этой территории существовал сплошной массив финно-ингерманландского населения, превосходивший по своему значению аналогичный район на Карельском перешейке. Судя по сохранившимся зданиям лютеранских храмов и памятников на финских кладбищах, финны-ингерманландцы здесь жили существенно богаче, чем к северу от Санкт-Петербурга. За пределами двух главных ареалов расселения финнов-ингерманландцев, к северу и югу от тогдашнего Ленинграда, существовали относительно небольшие заселенные ими территории, но никаких следов этого народа там уже не осталось, оценить уровень кросс-культурности не представляется возможным.

Оценка кросс-культурности региона предполагает опору на систему критериев:

- актуальные топонимы финно-угорского происхождения. Сосуществование разноязычных топонимических систем – один из признаков территории, в пределах которой взаимодействуют разные культуры;
- число объектов лютеранской культово-культурной инфраструктуры, в том числе в соотношении с православной;
- этнический состав населения;
- наличие этнографических музеев и экспозиций, посвященных культуре коренных народов;
- содержание действующих экскурсионно-познавательных маршрутов, тематически базирующихся на культурном наследии коренных народов региона.

Составляющие современной топонимической системы использованы в качестве критерия оценки показателя, выбранного за основу исследования, поскольку структурные элементы этой системы признаны устойчивыми во времени трансляторами этнокультурной информации [19]. Топонимы подразделяются на несколько видов: ойконимы, гидронимы, дримонимы, оронимы, дромонимы и др., обозначая, соответственно, названия населенных пунктов, водоемов, лесных массивов, форм рельефа, путей сообщения.

Приоритет традиционно отводится ойконимической подсистеме, превосходящей другие количественно, однако, учитывая природные особенности пригородных зон Санкт-Петербурга и Ленинградской области, гидронимы имеют не меньшую важность.

Топонимия территорий, прилегающих к Санкт-Петербургу, складывалась на протяжении нескольких веков, пережив не одну этническую смену населения. В результате русскоязычные названия представлены в ее пределах наряду с прибалтийско-финскими (финскими, водскими, ижорскими) и карельскими. Многие из них подверглись полному переименованию в советский период, но существуют и те, что сохранились как в исконном варианте, так и в адаптированной для русскоязычного употребления форме. Чаще всего встречаются финско-русские топонимические пары, основанные на семантической (в результате перевода) и фонетической близости [20].

В пригородных зонах Санкт-Петербурга, образованных его муниципальными районами (Курортный) или их частями (Красносельский), ранее существовавшие отдельные поселения ликвидировались путем объединения и заняты жилой застройкой [21]. Но даже в пределах городских границ фиксируются примеры, когда названия снятых с учета населенных пунктов продолжают свидетельствовать о сложной и многоэтапной этнической истории территории. Так, в состав муниципального образования Горелово Красносельского района входит упраздненная еще в 1930-х гг. деревня Тóрики (фин. *Torikka*), которая указывается частью юридического адреса строений, расположенных на ул. Политрука Пасечника.

Для выявления степени сохранности топонимии коренных народов следует рассматривать удаленные пригородные зоны, образующие отдельную систему расселения. С этой целью перечень официальных наименований топонимической системы ранжировался на группы в зависимости от генезиса ойконимов (табл. 1).

Таблица 1. Генезис ойконимов муниципальных образований Ленинградской области, исторически заселенных финно-угорскими народами, 2023 г.

Table 1. The genesis of the oikonyms of municipalities of the Leningrad region, historically inhabited by Finno-Ugric peoples, 2023

	Всеволожский / Vsevolozhsky	Выборгский / Vyborgsky	Гатчинский / Gatchina	Ломоносовский / Lomonosovsky	Приозерский / Priozersky
Образованные на основе семантической близости с финно-угорскими (кол-во/доля от общего числа, %) / Formed on the basis of semantic proximity with Finno-Ugric (number/share of the total population, %)	5/3,1	7/4,0	5/2,0	6/4,1	6/5,8
Образованные на основе фонетической близости с финно-угорскими (кол-во/доля от общего числа, %) / Formed on the basis of phonetic proximity with Finno-Ugric (number/share of the total population, %)	82/52,8	6/3,5	133/55,6	58/40,2	0/0

Русскоязычного происхождения (кол-во/доля от общего числа, %) / Of Russian-speaking origin (number/share of the total population, %)	79/40,3	159/92,4	101/42,2	80/55,5	97/94,1
Всего / Total	159	172	239	144	103

Источник: в таблицах 1–2: Атлас Ленинградской области / гл. ред. Д. А. Субетто. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2022. 112 с.

Source: in tables 1–2: [Atlas of the Leningrad region] / Chief editor D. A. Subetto. St. Petersburg : Publishing House of A. I. Herzen State Pedagogical University, 2022. 112 p.

Среди ойконимов финно-угорского происхождения лидируют те, которые образованы по фонетической близости. В Гатчинском и Ломоносовском муниципальных районах Ленинградской области, заселенных некогда финнами-ингерманландцами, таковые составляют 55,6 и 40,2 % соответственно; более половины проявляется и в названиях поселений Всеволожского района.

Интересны примеры финских ойконимов, сохранившихся практически в неизменном звучании. Это деревни и поселки Ломоносовского района: Алакюля (фин.¹³ *Alakylä*), Аропаккузи (фин. *Aropakkasi*), Виллози (фин. *Villasi*), Кавелахта (фин. *Kavilahti*), Карвала (фин. *Karvala*), Келози (фин. *Kelosi*), Куттузи (фин. *Kuttusi*), Мюреля, Перекюля (фин. *Peräkylä*), Райкузи (фин. *Raikusi*), Ретселя (фин. *Rötsälä*); Гатчинского района: Кямряя (фин. *Kämärä*), Мута-Кюля (фин. *Mutakylä*), Вытти (фин. *Vuitti*), Саванкюля (фин. *Savonkylä*); Всеволожского района: Хирвосты (фин. *Hirvosi*), Аро (фин. *Aro*), Хáпо-Óе (фин. *Haapoja*), Токкари (фин. *Tokkari*), Лехтуси (фин. *Lehtusi*), Пери (фин. *Peri*), Рохма (фин. *Rohma*).

На границе Красносельского района Санкт-Петербурга и Ломоносовского района Ленинградской области находится пос. Пески (фин. *Hiekka*) – яркий пример переводного ойконима, как и Малое Карлино (фин. *Pieni-Karhila*), Черная Лахта (фин. *Mustalahti*) и др.

В противоположность южным районам Ленинградской области, а также Всеволожскому району, Выборгский и Приозерский (особенно последний) характеризуются небольшим числом финских по происхождению ойконимов.

Это объясняется особенностями процесса переименования поселений, имевшего место в конце 1940-х гг. на присоединенных к СССР по результатам советско-финляндской войны территориях Карельского перешейка. Он был инициирован указаниями исполкома областного Совета депутатов трудящихся. Ставилась задача переименования населенных пунктов и железнодорожных станций, носящих финские названия.

В конечном счете сохранились лишь некоторые из них. В Приозерском районе это только пять из существующих ныне поселений, названия которых образованы по семантической близости финским: Пятиречье (фин. *Vijsjoki*), Светлое (фин. *Valkeamatka*), Петровское (фин. *Petäjärvi*), Петяярви (поселок при железнодорожной станции), Мыс (фин. *Noisniemi*), Новая Деревня (фин. *Uusikylä*). Поселений, названия которых образованы по фонетической общности с финскими, не было выявлено.

В Выборгском районе звучание финских названий сохранилось: поселения Лейпясуо, Майнило, поселки при железнодорожных станциях Каннельярви, Местерьярви и др. Были утверждены при переименовании и некоторые семантически близкие исконным финским названия: Глубокое (фин. *Syvälähti*, *Putkola*), Земляничное (фин. *Mansikkala*), Пруды (фин. *Kalalampi*), Подгорье (фин. *Moisander*, *Väärämäki*), Лужайка (фин. *Nurmi*). Гидронимы имеют едва ли не наибольшее значение в топонимической системе региона, особенно когда речь идет об изучении древнейших периодов освоения территории, поскольку они

¹³ фин. – финский язык.

характеризуются очень высокой устойчивостью и сохраняют реликтовые формы языка заселявших ее народов.

Финская кросс-культурность прослеживается в гидронимии ближайших и удаленных пригородов Санкт-Петербурга. Примерами являются р. Дудергофка (швед.¹⁴ *Duderhof*, фин. *Tuutari*), протекающая через Дудергоф (в 1950–2016 гг. – Можайский), Красное Село, Горелово, Старо-Паново, Лигово; р. Сестра (фин. *Siestarjoki* – «черносмородиновая река») в Курортном районе.

В пределах территорий Ленинградской области, исторически заселенных прибалтийско-финскими народами (наиболее крупный – финны-ингерманландцы), гидронимы, сохранившие память о коренном населении, представлены широко. Внимание авторов сосредоточено на двух типовых примерах – Выборгском и Гатчинском муниципальных районах, соответствующих территориям нового и старого освоения соответственно (табл. 2).

Степень сохранности исконных гидронимов в пределах рассматриваемых территорий почти одинаково невысокая, фиксируется несколько лимнонимов с компонентом *ярви* (фин. *järvi* – озеро) и потамонимов с компонентом *йоки* (фин. *joki* – река) в Выборгском районе. Это озера Лайхярви, Лаппярви, Нуйямаярви, Панкюярви, Покулусъярви, Уоккюярви протока Виха-Йоки, р. Ильменьйоки, Соскуанйоки, Унтернискайоки, свидетельствующие о проживании вдоль их побережий или в непосредственной близости к ним прибалтийско-финских народов. Это относится и к лимнонимам с семантическим генезисом: оз. Большое Красноперское (фин. *Suuri-Särkijärvi*), Малое Красноперское (фин. *Pieni-Särkijärvi*), Длинное, или Долгое (фин. *Pitkäjärvi* – длинное озеро), Красáвица (фин. *Kaukjärvi*) и др.

В Гатчинском районе некоторые финно-угорские гидронимы образуют топонимические пары с расположенными рядом поселениями. Пример – оз. Верепья и дер. Верепье (фин. *Vereppi*), упраздненная в 1971 г. Компонент *йоки* утерян у современного названия реки Суйда (фин. *Suijanjoki*), но фонематическая близость с исконным потамонимом сохранилась.

Важным культурообразующим индикатором территории выступает традиционное вероисповедание ее населения [22]. Финляндия длительный период была частью Шведского Королевства – первого государства, признавшего лютеранскую церковь официальной еще в конце XVI в. Примерно тогда финны приняли новую христианскую конфессию практически без сопротивления [23]. Присоединение к Российской Империи в 1809 г. губерний, составлявших Финляндию, не повлекло попыток насильственного насаждения православия среди местного населения. В то же время была учреждена независимая от Швеции Финская Евангелическо-лютеранская церковь, наделенная широкими правами автономии.

Таблица 2. Генезис гидронимов Выборгского и Гатчинского муниципальных районов Ленинградской обл., 2023 г.

Table 2. The genesis of the hydronyms of the Vyborg and Gatchina municipal districts of the Leningrad region, 2023

	Выборгский / Vyborgsky	Гатчинский / Gatchina
Образованные на основе семантической близости с финно-угорскими (кол-во/доля от общего числа, %) / Formed on the basis of semantic proximity with Finno-Ugric (number/share of the total population, %)	11/4,8	0/0
Образованные на основе фонетической близости с финно-угорскими (кол-во/доля от общего числа, %) / Formed on the basis of phonetic proximity with Finno-Ugric (number/share of the total population, %)	15/6,6	11/12,94
Современного русскоязычного происхождения (кол-во/доля от общего числа, %) / Of modern Russian-speaking origin (number/share of the total population, %)	200/88,5	84/87,0
Всего / Total	226	96

¹⁴ швед. – шведский язык.

К ее юрисдикции относились все лютеранские приходы Великого автономного княжества Финляндского, к 1812 г. насчитывавшие 503 единицы.

Меньшая часть Карельского перешейка – современный Сестрорецк, Юкки, Рябово, Токсово, Колтуши, Новосаратовка, а также Гатчинский и Ломоносовский районы нынешней Ленинградской области – относились к Евангелическо-лютеранской церкви Российской Империи. Названные религиозные организации были канонически и доктринально близки, но абсолютно независимы друг от друга в церковно-административном плане.

Низовой административно-территориальной единицей Евангелической лютеранской Церкви является приход. Когда к Швеции в 1617 г. по Столбовскому миру перешла территория Ореховецкого, Копорского, Ямского и Ивангородского уездов, получившая под шведской властью общее название «Ингерманландия» (Корельский уезд формально был передан Швеции по Выборгскому договору 1609 г. и в состав Ингерманландии не входил), туда стали переселяться финские крестьяне – носители лютеранства, выходцы из Восточной Финляндии [26]. В результате помимо старейшего лютеранского прихода в Копорье стали открываться новые – в Дудергофе, Губаницах, Колпанах, Лемболово, Токсово и т. д. К середине XVII в. в Ингерманландии (Ингрии) действовало 58 приходов, позднее несколько сократившихся за счет укрупнения [26]. После заключения в 1721 г. Ништадтского мирного договора за многотысячным финским населением этой территории сохранилось право исповедания лютеранства. К началу Первой Мировой войны на всей ее территории действовали 29 сельских приходов, из которых числом прихожан выделялись Славянка (12 тыс.), Токсово (10,8 тыс.), Скворицы-Ропша (9,7 тыс.) [24].

В лютеранском приходе числилось несколько тысяч финских крестьян, проживавших в десятках расположенных недалеко друг от друга деревень. Так, приход Туутари (Дудергоф), ныне входящий в ближайшую пригородную зону Санкт-Петербурга, к 1917 г. состоял из 6161 чел. и 73 поселений (среди них деревни Виллози, Кавелахта, Мюреля и др.). Здание приходского Троицкого храма на горе Кирхгоф было разобрано в 1953 г. и утрачено безвозвратно, поскольку на его месте выстроен горнолыжный подъемник Туутари-парка. Но зарегистрированный в 1993 г. евангелическо-лютеранский приход Дудергофский с 2000 г. регулярно проводит богослужения в приобретенном с этой целью здании по адресу пос. Можайский, ул. Малая Горская, д. 33. (д. Пикколово Ломоносовского района).

В XVIII в. из состава, достигшего 10 тыс. прихожан Туутари, самостоятельным был выделен приход Хиетамяки, что в переводе с финского языка означает «гора мелкого песка» (*hieta* – мелкий песок и *mäki* – гора). Приходской храм в честь свв. апп. Петра и Павла находился в д. Яльгелево, но в 1941 г. подвергся разрушению. На начало XX в. община состояла из 4 462 чел., проживавших в 52 финских деревнях. Территории некоторых из них на данный момент находятся в пределах Санкт-Петербурга (Торики, Горелово), а другие – на примыкающих к Петербургу территориях Ленинградской области – Аннино, Рюмки, Большие Томики, Иннолово. В последней в 1994 г. восстановленный приход стал действовать на базе переданного ему в дар из Финляндии сборном деревянном здании (рис. 1). В Яльгелево сохранились остатки старого финского кладбища, где также иногда проходят богослужения.

Рис. 1. Евангелическо-лютеранский приход «Хиетамяки», д. Иннолово, Ломоносовский район Ленинградской обл. Автор изображения: О. А. Балабейкина, 2023 г.
Fig. 1. Evangelical Lutheran parish "Hieta-mäki", Innolovo village, Lomonosov district, Leningrad region. The author of the image: O. A. Balabeikina, 2023

На территориях, некогда образовывавших лютеранские приходы, фиксируются и прочие материальные свидетельства о проживании там финнов-ингерманландцев (рис. 2).

На данный момент лютеранство в Ленинградской области и пригородах Санкт-Петербурга представлено преимущественно приходами Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии. Исключением являются Теологическая семинария и часовня при ней, относящиеся к Евангелическо-Лютеранской Церкви России в д. Новосаратовка Всеволожского района.

Из 21 лютеранского прихода Ленинградской области 17 находятся в пределах рассматриваемых территорий. Причем в ближайших пригородах расположены действующие храмы Пушкина, Ломоносова, Зеленогорска, д. Иннолово и д. Пикколово (Ломоносовский район).

Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии – лидирующая по числу храмовых зданий неправославная христианская религиозная организация в Ленинградской области, но на фоне числа культово-культурных объектов Русской православной церкви их доля невелика (табл. 3).

Рис. 2. Надпись на жилом доме, напоминающая о выселении финнов-ингерманландцев во время сталинских репрессий. Автор изображения:

О. А. Балабейкина, 2023 г.

Fig. 2. An inscription on an apartment building, reminiscent of the eviction of Finns-Ingermanlanders during Stalin's repressions. The author of the image: O. A. Balabeikina, 2023

Таблица 3. Храмы в пригородных районах Ленинградской области, 2023 г.

Table 3. Temples in suburban areas of the Leningrad region, 2023

Районы / Districts	ЕЛЦИ / ELCI		ЕЛЦР / ELCR		РПЦ / ROC		Всего / Total	
	1	2	1	2	1	2	1	2
Выборгский / Vyborgsky	5	13	0	0	33	87	38	100
Приозерский / Priozersky	1	3	0	0	36	97	37	100
Всеволожский / Vsevolozsky	4	11	1	3	30	86	35	100
Ломоносовский / Lomonosovky	2	7	0	0	27	93	34	100
Гатчинский / Gatchinskiy	4	11	0	0	33	89	44	100

Примечание: ЕЛЦИ – Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии; ЕЛЦР – Евангелическо-лютеранская церковь России; РПЦ – Русская православная церковь. Для каждой конфессии: 1 – количество храмов, 2 – доля от общего количества храмов в данном районе, %.

Note: ELCI – Evangelical Lutheran Church of Ingria; ELCR – Evangelical Lutheran Church of Russia; ROC – Russian Orthodox Church. For each denomination: 1 – the number of temples, 2 – the share of the total number of temples in the area, %.

Источник: Официальный сайт Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии [Электронный ресурс]. URL: <https://elci.ru/> (дата обращения: 19.10.2023); Официальный сайт Союза Евангелическо-лютеранских церквей (Союз ЕЛЦ) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elkras.ru/> (дата обращения: 19.10.2023); Официальный сайт Русской православной церкви Ингрии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/> (дата обращения: 19.10.2023).

Source: [The official website of the Evangelical Lutheran Church of Ingria]. Available at: <https://elci.ru/> (accessed 19.10.2023); [Official website of the Union of Evangelical Lutheran Churches (Union of the ELC)]. Available at: <https://www.elkras.ru/> (accessed 19.10.2023); [Official website of the Russian Orthodox Church of Ingria]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/> (accessed 19.10.2023).

В контексте кросс-культурности важно отметить, что в условиях почти полного исчезновения финно-ингерманландского населения в пригородной зоне Санкт-Петербурга сохраняется его «национальная» церковь – Евангелически-лютеранская церковь Ингрии. При этом во многих населенных пунктах пригородной зоны храмы этой церкви появились намного раньше, чем православные, в силу когда-то существовавшего решающего преобладания там финно-ингерманландского населения. Так, в деревне Юкки Всеволожского района Ленинградской области, практически слившейся с пос. Осиновая Роща, входящем в состав Санкт-Петербурга, лютеранский приход, называвшийся «Хаапакангас» (финское название Осиновой Рощи), существовал с 1908 г. Храм был закрыт в 1937 г., настоятель расстрелян, здание перестроено и использовалось в качестве сельского дома культуры до конца 80-х гг. XX в., затем вновь переделано в храм, каковым является и по сей день. Первая же в Юкках за всю их историю православная церковь была построена в 2011 г. Для оценки численности прихожан каждой из этих церквей можно использовать число подписчиков на их группы в социальной сети «ВКонтакте». У группы православной церкви Рождества Иоанна Предтечи в Юкках – около 13 тыс. подписчиков, а у группы кирхи ЕЛЦИ – около 500.

Традиционная культура и быт прибалтийско-финских народов, включая финнов-ингерманландцев, отражаются в тематических музейных экспозициях, самой крупной из которых является историко-этнографический музей-заповедник «Ялкала» недалеко от Зеленогорска. В нем сохранился уникальный деревянный хуторской финский дом с немногими подлинными предметами быта.

Скромнее по объему коллекция предметов, отражающих быт финнов в конце XIX – начале XX в., представлена в краеведческом музее г. Приморска (фин. *Koivisto*). Он расположен в сохранившемся здании лютеранского храма св. Марии Магдалины, выстроенном по проекту известного финского зодчего Йозефа Стенбека.

В качестве современной тенденции можно отметить некоторые частные инициативы этнокультурной тематики. Примером является частный музей хутор Милка (*Milka*) в пос. Кузнечное (фин. *Kaarlahti* – изогнутый залив). Он функционирует на базе перенесенного и реконструированного станционного дома (фин. *aseman talo*) 1916 г. постройки, изначально предназначенного для проживания рабочих железной дороги и уготованного в 2010-х гг. под снос. В настоящее время там регулярно проводятся экскурсии и интерактивные мероприятия.

На территории Гатчинского и Ломоносовского районов и в пределах окраин юго-запада Санкт-Петербурга этнографических музейных экспозиций нет, но некоторые действия в отношении перспектив развития данного направления предпринимаются. Так, в 2016 г. был учрежден Центр культуры ингерманландских финнов «Natsina» (ЦКИФ), деятельность которого ориентирована на ее сохранение и возрождение. При центре работает мужской ансамбль «Норепяярви» («Серебряное озеро»), исполняющий финские народные песни. ЦКИФ активно участвует в различных культурно-массовых и благотворительных мероприятиях, совместно с работой библиотек, образовательных учреждений проводит мастер-классы, интерактивные программы, организует передвижные выставки, экспонирующие коллекцию старинных предметов быта финнов-ингерманландцев, повествующих о традиционных занятиях и ремеслах, а также о произведениях финского и карельского эпоса.

Территории окраин Санкт-Петербурга и Ленинградской области, в пределах которых компактно проживало прибалтийско-финское население, широко вовлекаются в организованные тематические пешеходные и автобусные экскурсионно-познавательные маршруты. Причем тематика и содержание последних базируется именно на материальном и нематериальном наследии коренных народов. В перечне предложений от туристических фирм можно выделить такие, как «Зеленогорск – очень финский город»; «Оллинпя – заповедник старых дач – между Териойками и Келомьяками»; «Дудергофские высоты. Воронья

гора и Нагорный парк на Ореховой горе». Следует отметить событийные экскурсии, связанные с памятью о праздниках календарной обрядности финнов: «Зажигаем первую свечу Рождества в Каарлахти. Адвент на Карельском перешейке»; «Свечи святой Люсии на хуторе Милка»; «Праздник Люсии в Выборгском замке»; «Отмечаем День Туомаса в Круглой башне Выборга» и др.

Заключение

Пригородная зона Санкт-Петербурга – один из наиболее ярких и значимых примеров проявления кросс-культурности в пределах Северо-Запада России. Основными этнокультурными общностями, которые взаимодействовали здесь, были финны-ингерманландцы и русские. Финны-ингерманландцы представляли собой потомков финских крестьян, переселенных в Ингерманландию (территории Ивангородского, Ямского, Копорского, Ореховецкого уездов, отошедших от Московского государства к Швеции в 1617 г.). С возвращением Ингерманландии в состав России в начале XVIII в. ее жители стали развиваться отдельно от остального финского этноса, оставаясь исключительно сельским населением.

Субэтнос располагался на Карельском перешейке, а также к югу и юго-востоку от Санкт-Петербурга. К 20-м гг. XX в. численность финнов-ингерманландцев превышала 100 тыс. чел. На протяжении XX – первых десятилетий XXI в. финны-ингерманландцы почти исчезли, сейчас их численность измеряется десятками человек, что связано как с политическими и военными событиями XX в., так и с процессами урбанизации, «поглотившими» за это время почти всю традиционную территорию их расселения.

Кросс-культурность пригородной зоны Петербурга в настоящее время прослеживается в сохранившейся финно-ингерманландской топонимике, представленной названиями населенных пунктов, гидрографических и иных объектов. Часть финно-ингерманландских географических названий сохранилась в неизменном виде, часть была «переосмыслена» и изменена в русскоязычные, а некоторые были просто переведены с финского на русский язык.

В качестве индикаторов кросс-культурности выступают также сохранившиеся здания и сооружения, свидетельствующие о былом значении и процветании финнов-ингерманландцев. Это главным образом здания лютеранских храмов и других религиозных объектов, финно-ингерманландские кладбища. В этом контексте особую важность имеет продолжающая деятельность «национальная» Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии, приходы которой действуют во многих населенных пунктах пригородной зоны, хотя финно-ингерманландского населения там практически не осталось.

Авторами впервые проведен комплексный анализ кросс-культурного развития пригородной зоны Санкт-Петербурга. Установлено, что на протяжении значительной части истории этого региона, а именно с XVII в. до 30–40-х гг. XX в., ключевое значение в этом развитии имели финны-ингерманландцы, «крестьянский» субэтнос, начавший формироваться, когда территория Ингерманландии принадлежала Шведскому королевству, и продолживший свое существование уже в составе России. Невзирая на практически полное исчезновение самих финнов-ингерманландцев, связанное с событиями XX в. (сталинские репрессии 30-х гг., насильственное выселение во время Великой Отечественной войны, послевоенная урбанизация пригородных территорий Ленинграда), их воздействие на формирование пространственной структуры общества в пригородной зоне Санкт-Петербурга остается весьма значительным, что прослеживается в системе расселения, топонимике, деятельности церковных и общественных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прокопья Г. В. Семантика понятия «кросс-культурный подход» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 3. С. 63–70. EDN: RUCALT

2. Мехдиев Ш. З., Чистяков М. С. Кросс-культурность управления многонациональным персоналом в международной корпорации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 9. С. 88–99. <https://doi.org/10.17513/vaael.1307>
3. Новикова Э. Ю. Лингвосомиотика города: кросскультурный фокус территориального брендинга // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2018. № 3. С. 31–38.
4. Дуганов Г. С. Дачный район побережья Финского залива как пространство кросс-культурного взаимоотношения (1899–1914 гг.) // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26, № 1. С. 118–135. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.26.9>
5. Рожкова Л. В., Михнева С. Г., Маслов Д. Г. Межэтнические взаимодействия в поликультурных регионах как фактор обеспечения национальной безопасности // Logos et Praxis. 2017. Т. 16, № 2. С. 82–92. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.2.9>
6. Lundén T. U. The Emergence and Decline of Ethnic Minorities in Baltic Borderlands // Etninių mažumų iškilimas ir išnykimas baltiškuosiuose paribiuose. 2012. Vol. 5, No. 5. P. 128–144. <https://doi.org/10.3846/20297475.2012.744368>
7. Манаков А. Г., Васильев Н. М., Кондратьева П. А. Этническая неоднородность населения в разрезе уездов и округов Российской империи по итогам переписи 1897 г. // Вестник Псковского государственного университета. Сер.: Естественные и физико-математические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 23–35.
8. Манаков А. Г. Динамика индекса этнической поляризации в республиках России в контексте концепции этноконтактных зон // Псковский регионологический журнал. 2023. Т. 19, № 3. С. 33–52. <https://doi.org/10.37490/S221979310026861-0>
9. Теренина Н. К. Индекс этнической контактности как инструмент изучения территорий со смешанным национальным составом населения // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18, № 1. С. 101–116. <https://doi.org/10.37490/S221979310018427-2>
10. Буфетова А. Н., Коломак Е. А., Михалёва М. М. Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17, № 3. С. 143–157. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-3-143-157>
11. Cross-Border Knowledge Transfer and Innovation in the European Neighbourhood: Tourism Cooperation at the Finnish-Russian Border / T. Makkonen, A. Williams, A. Weidenfeld [et al.] // Tourism management. 2018. Vol. 68, No. 3. P. 140–151. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2018.03.008>
12. Гусева С. Е. Историческое развитие планировочной структуры Карельского перешейка // Вестник гражданских инженеров. 2020. № 1. С. 14–20. <https://doi.org/10.23968/1999-5571-2020-17-1-14-20>
13. Исаев С. А. Устройство Евангелическо-Лютеранской церкви в России по Уставу 1832 г. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3. С. 205–213. https://doi.org/10.47132/2587-8425_2021_3_205
14. Каранов Д. П. Этнокультурное развитие ингерманландских финнов во второй половине XIX в.: основные компоненты процесса // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 1. С. 82–86.
15. Scott J. W. Constructing Familiarity in Finnish-Russian Karelia: Shifting Uses of History and the Re-Interpretation of Regions // European Planning Studies. 2012. Vol. 21, issue 1. P. 1–18. <https://doi.org/10.1080/09654313.2012.716240>
16. Ступин Ю. А. События середины 1930-х гг. на Карельском перешейке в судьбах финнов-ингерманландцев // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 83–108.
17. Муллонен И. И. Ойконимическая система южной Карелии в развитии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, № 4. С. 567–577. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-4-567-577>
18. Амбросиани П. Параллельные названия в прибалтийско-финской и русской ойконимии Ингерманландии // Вопросы ономастики. 2008. № 6. С. 83–92.
19. Дегусарова В. С., Мартынов В. Л., Сазонова И. Е. Геодемографические особенности пригородной зоны Санкт-Петербурга // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 3. С. 19–40. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-2>
20. Балабейкина О. А., Дмитриев А. Л., Янковская А. А. Трансформация структурных элементов современного конфессионального пространства Европы // Мир перемен. 2021. № 4. С. 177–189. https://doi.org/10.51905/2073-3038_2021_4_177
21. Lotman P. The Christian Church, Spoken Language and Written Word. Confessional Tensions in Ingrida Between the Swedish Lutheran and the Russian Orthodox Church during the Seventeenth Century // Entangled Religions. 2023. Vol. 14, No. 6. <https://doi.org/10.46586/er.14.2023.10839>
22. Шкаровский М. В. Скандинавское влияние на религиозную жизнь Северо-Запада России в XVII–XX веках // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 243–256. <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2018-10071>

REFERENCES

1. Prokopenya G.V. [Semantics of the Concept of “Cross-Cultural Approach”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta*. 2007;(3):63–70. (In Russ.) EDN: RUCALT
2. Mekhdiev Sh.Z., Chistyakov M. S. [Cross-Cultural Management of Multinational Personnel in an International Corporation]. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2020;(9):88–99. (In Russ.) <https://doi.org/10.17513/vaael.1307>
3. Novikova E.Yu. [Linguosemiotics of the City: Cross-Cultural Focus of Territorial Branding]. *IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*. 2018;(3):31–38. (In Russ.)
4. Duganov G.S. Dacha Area of the Coast of the Gulf of Finland as a Space of Cross-Cultural Relationship (1899–1914). *Russia in the Global World*. 2023;26(1):118–135. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.26.9>
5. Rozhkova L.V., Mikhneva S.G., Maslov D.G. Cross-Ethnic Interaction in Multicultural Regions as a Factor of National Security. *Logos et Praxis*. 2017;16(2):82–92. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.2.9>
6. Lundén T.U. The Emergence and Decline of Ethnic Minorities in Baltic Borderlands. *Etninių mažumų iškilimas ir išnykimas baltiškuosiuose paribiuose*. 2012;5(2):128–144. <https://doi.org/10.3846/20297475.2012.74436>
7. Manakov A.G., Vasiliev N.M., Kondratieva P.A. Ethnic Heterogeneity of the Population in the Context of Counties and Districts of the Russian Empire According to the Results of the Census of 1897. *Bulletin of Pskov State University. Series: Natural, Physical and Mathematical Sciences*. 2023;16(2):23–35. (In Russ., abstract in Eng.)
8. Manakov A.G. Dynamics of the Index of Ethnic Polarization in the Republics of Russia in the Context of the Concept of Ethno-Contact Zones. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2023;19(3):33–52. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37490/S221979310026861-0>
9. Terenina N.K. Ethnic Contact Index as a Tool for Studying Territories with a Mixed National Composition of the Population. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2022;18(1):101–116. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37490/S221979310018427-2>
10. Bufetova A.N., Kolomak E.A., Mikhaleva M.M. National Diversity and Economic Development in Russian Region. *World of Economics and Management*. 2017;17(3):143–157. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-3-143-157>
11. Makkonen T, Williams A, Weidenfeld A, Kaisto V. Cross-Border Knowledge Transfer and Innovation in the European Neighbourhood: Tourism Cooperation at the Finnish-Russian Border. *Tourism Management*. 2018;68(3):140–151. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2018.03.008>
12. Guseva S.E. The Historical Development of the Planning Structure of the Karelian Isthmus. *Bulletin of Civil Engineers*. 2020;(1):14–20. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23968/1999-5571-2020-17-1-14-20>
13. Isaev S.A. The Structure of the Evangelical-Lutheran Church in Russia according to the Church Ordinance of 1832. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*. 2021;(3):205–213. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.47132/2587-8425_2021_3_205
14. Karanov D.P. [Ethno-Cultural Development of Ingermanland Finns in the Second Half of the XIX Century: The Main Components of the Process]. *Terra Humana*. 2014;(1):82–86. (In Russ.)
15. Scott J.W. Constructing Familiarity in Finnish-Russian Karelia: Shifting Uses of History and the Re-Interpretation of Regions. *European Planning Studies*. 2012;21(1):1–18. <https://doi.org/10.1080/09654313.2012.716240>
16. Stupin Yu.A. The Events of the Mid-1930s on the Karelian Isthmus in the Fate of Ingrian Finns. *Modern History of Russia*. 2016;(1):83–108. (In Russ., abstract in Eng.)
17. Mullonen I.I. Oikonymic System of South Karelia in Its Development. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2022;16(4):567–577. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-4-567-577>
18. Ambrosiani P. [Parallel Names in Baltic-Finnish and Russian Oikonymy of Ingermanlandia]. *Voprosy Onomastiki*. 2008;(6):83–92. (In Russ.)
19. Degusarova V.S., Martynov V.L., Sazonova I.E. Geodemography of the Saint Petersburg Suburbs. *Baltic Region*. 2018;10(3):19–40. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-2>
20. Balabeikina O.A., Dmitriev A.L., Yankovskaya A.A. [Transformation of Structural Elements of the Modern Confessional Space of Europe]. *Mir Peremen*. 2021;(4):177–189. (In Russ.) https://doi.org/10.51905/2073-3038_2021_4_177
21. Lotman P. The Christian Church, Spoken Language and Written Word. Confessional Tensions in Ingria Between the Swedish Lutheran and the Russian Orthodox Church during the Seventeenth Century. *Entangled Religions*. 2023;14(6). <https://doi.org/10.46586/er.14.2023.10839>
22. Shkarovsky M.V. Scandinavian Influence on the Religious Life of North-West Russia in the 17th–20th Centuries. *Khristianskoe chtenie*. 2018;(3):243–256. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1814-5574-2018-10071>

Информация об авторах:

Мартынов Василий Львович, доктор географических наук, профессор кафедры экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7741-1719>, SPIN-код: 9227-2168, lwowich@herzen.spb.ru

Балабейкина Ольга Александровна, доцент кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного экономического университета (191023, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9520-8880>, SPIN-код: 4227-4627, olga8011@yandex.ru

Королёв Лука Александрович, бакалавр кафедры международных отношений и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета (191023, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21), ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1117-0464>, lukakorolyov@gmail.com

Сазонова Ирина Евгеньевна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3456-1223>, SPIN-код: 2903-0743, iesazonova@herzen.spb.ru

Заявленный вклад авторов:

В. Л. Мартынов – разработка концепции; научное редактирование текста.

О. А. Балабейкина – идея; сбор материала; иллюстрирование; написание статьи.

Л. А. Королёв – анализ литературы; сбор и обработка материала.

И. Е. Сазонова – анализ литературы; обработка материала; написание статьи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 05.09.2024; одобрена после рецензирования 01.10.2024; принята к публикации 15.10.2024.

Information about the authors:

Vasilii L. Martynov, Dr.Sci. (Geogr.), Professor of the Economic Geography Department, Herzen State Pedagogical University of Russia (48 Moyka Embankment, St. Petersburg 191186, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7741-1719>, SPIN-код: 9227-2168, lwowich@herzen.spb.ru

Olga A. Balabeykina, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Environmental Management, Saint-Petersburg State University of Economics (21 Sadovaya St., St. Petersburg 191023, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9520-8880>, SPIN-код: 4227-4627, olga8011@yandex.ru

Luka A. Korolyov, Bachelor of International Relations, Department of International Relations and Political Science, Saint-Petersburg State University of Economics (21 Sadovaya St., St. Petersburg 191023, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1117-0464>, lukakorolyov@gmail.com

Irina E. Sazonova, Cand.Sci. (Geogr.), Associate Professor, Department of Economic Geography, Herzen State Pedagogical University of Russia (48 Moyka Embankment, St. Petersburg 191186, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3456-1223>, SPIN-код: 2903-0743, iesazonova@herzen.spb.ru

Authors' contribution:

V. L. Martynov – concept development, text editing.

O. A. Balabeykina – idea, collection of materials, illustration, writing the article.

L. A. Korolyov – literature analysis, collection and processing of material.

I. E. Sazonova – literature analysis, processing of material, writing an article.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 05.09.2024; revised 01.10.2024; accepted 15.10.2024.